

Лейла Хасьянова
профессор, кандидат исторических наук,
заслуженный художник РФ,
член-корреспондент РАХ
(Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ. СОЗДАНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ЖИВОПИСИ, ВАЯНИЯ И ЗОДЧЕСТВА

Один из лучших художественных умов, знаменитый Виолле-ле-Дюк, написал еще в 1864 году в своей книге «Réponse à M. Vitet à propos de l'enseignement des arts du dessin» следующее: «Рисует не карандаш, не кисть, а - интеллигенция. Механизм руки есть только аксессуар. Художник, не рисующий умом, век будет только машиной, сколько бы ни искусна была, впрочем, его рука. Вот этот-то источник рисования, как и всяческой человеческой деятельности, интеллигенцию, - и надобно развивать. А разве преподавание устроено так, чтоб развивать интеллигентного ученика?»¹. Станет ли он, закончив учебное заведение, достойным звания художник, пополнит ряды культурной интеллигенции своей страны, будет ли ее горячим патриотом? Все это особенно важно для нашего беспокойного время, ведь не зря существует утверждение: «Если хочешь победить государство – уничтожь его культуру».

Проблема художественного образования, начиная с реформы 1894 года Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, состояла в том, что практически не было учебных заведений, сохранивших традиции европейской и русской школы реализма, что во многом негативно сказалось и на развитии национальных художественных школ.

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, созданная в эпоху Перестройки, празднует в этом году свое 30-летие. Она стала тем учебным заведением, которое не только смогло возродить и внедрить в процесс обучения академические программы, но и последовательно стремилась и стремится следовать утраченным традициям Императорской

¹ Собрание сочинений В.В. Стасова. 1847-1886. С приложением его портрета и снимка с поднесенного ему адреса. Т. I. Художественные статьи. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1894. С. 711.

Академии художеств в Санкт-Петербурге и Училища живописи, ваяния и зодчества в Москве. В этих святых для каждого художника стенах на ул. Мясницкая 21, в котором учились и работали такие выдающиеся художники, как Н.А. Рамазанов, В.Г. Перов, А.К. Саврасов, И.И. Левитан, А.М. Васнецов, В.Д. Поленов и многие другие, находится это учебное заведение.

Вся история искусства свидетельствует о неисчерпаемых возможностях реализма. Как бы его не называли - академический, критический, социалистический и так далее – он существовал, существует и будет существовать. Как существует природа и человек, художник, отражающий её в своём творчестве во всём многообразии. Борьба между различными художественными течениями всегда была и будет, но как Добро побеждает Зло, так и реализм с его огромными возможностями, всегда будет предоставлять художнику самые перспективные и глубокие пути реализации своего таланта и отражения своего восприятия мира. Потому так важно для развития русского и национального искусства сохранение в системе художественного образования реалистической школы, являющейся мощным фундаментом в творчестве каждого художника.

Процесс обучения – это процесс длительный, требующий осознанного и вдумчивого отношения к нему, поэтому вначале И.С. Глазунов организовал в МГХИ им. В.И. Сурикова мастерскую портрета, в которой училась большая часть будущих преподавателей факультетов живописи, скульптуры, архитектуры и реставрации, сформировав, таким образом, костяк будущего профессорско-преподавательского коллектива Академии. Когда создавалась мастерская портрета перед выпускниками средних художественных заведений стояла проблема. Она заключалась, прежде всего, в том, что существовало три учебных заведения, в которые все мечтали учиться. Конечно, большинство выпускников МСХИ им. В.И. Сурикова, в которой училась и я, мечтало учиться в Суриковском институте, который был для многих из нас недостижимой мечтой, потому что бюджетных мест было мало и часть из них принадлежало союзным республикам. Обычно за год до окончания школы все посещали и сейчас посещают день открытых дверей разных вузов, чтобы определиться - куда поступать. Когда я увидела работы мастерской портрета, их количество и качество, самих учащихся, которые выделялись среди студентов других мастерских и курсов Суриковского института, то мечта не только поступить, но и учиться именно в мастерской портрета, стала для меня всем.

Создание совершенно новой, по методам преподавания и отношения к воспитанию студентов, мастерской было в то время необходимо, так как назрела необходимость обновления искусства в духовном плане, и оно началось с обновления в плане образовательном. С этим во многом связано создание И.С. Глазуновым в 1978 году мастерской портрета в МГХИ им. В.И. Сурикова.

Атмосферу, созданную И.С.Глазуновым в мастерской портрета, проявление такой редкой любви к ученикам, желание и усилия - воспитать и направить нас, та мудрость, с которой наш учитель, занимаясь с нами, отделял «золото от шлаков», - всё это было и остаётся тем огромным подарком судьбы для всех, учившихся у Ильи Сергеевича. Эту искренность и самоотверженность, с которой он это все делал и делает до сих пор, ощущают и сейчас все ученики уже Академии живописи, ваяния и зодчества.

Что было нового в системе обучения в этой мастерской? Илья Сергеевич чувствовал наше невежество и очень тактично и терпеливо развивал нас: у нас были субботы, которые он называл «Интеллектуальными днями». На эти субботы Илья Сергеевич приглашал искусствоведов, литературоведов, историков и философов, которые сеяли зерна знаний в наши головы и души. На этих занятиях он заставлял нас выступать, писать сочинения, тем самым учил нас излагать свои мысли, советовал заниматься риторикой, открыл для нас мир музыки. На занятиях вместо того, чтобы отвлекаться на разговоры мы слушали классическую музыку и к концу обучения довольно сносно разбирались в ней. Также он открыл перед нами двери своего дома, где мы познакомились с замечательными певцами Огнивцевым, Ведерниковым, слушали пение Любови Казарновской. На генеральном прогоне оперы «Сказ о невидимом граде Китеже», с декорациями И.С. Глазунова и костюмами его супруги, Н.А. Виноградовой-Бенуа, наша мастерская была в полном составе. Очень часто Илья Сергеевич устраивал для нас походы в Консерваторию, театры, на выставки, возил нас по историческим местам, за рубеж, показал нам Италию, в то время недоступную мечту каждого художника, Испанию, давал книги из своей библиотеки, приглашал и разрешал работать в ней, подбирая материал для композиций. До сих пор думаю о том, что испытывал Илья Сергеевич, когда мы перепачканными масляной краской руками брали эти роскошные раритетные книги? Ведь часто книги воз-

вращались в очень плохом состоянии, но никогда никто не слышал ни единого слова упрёка. У Ильи Сергеевича была прекрасная коллекция слайдов, и мы постоянно на занятиях по композиции смотрели их в большом количестве; одновременно с разбором композиции, у нас развивался интерес к истории искусства, попутно разбирался сюжет картины. Так в процессе занятий по композиции в нас пробуждался интерес к изучению мифов Древней Греции, Библии, русской истории, а за лучшие ответы и лучшие эскизы учитель награждал нас призами, которые мы все трепетно храним, как память о нашей студенческой юности.

Учитель убеждал нас, что мы - единомышленники, даже разрушил защитный для человека в общении барьер, из-за чего мы часто навязывали ему свои проблемы, на которые он всегда отзывался и помогал нам всем, чем мог: нужны материалы - пожалуйста, костюмы, драпировки - пожалуйста, только работай. Надо сказать, что Илья Сергеевич поддерживал и старается поддерживать нас до сих пор.

Когда И.С. Глазунов возглавил мастерскую портрета, то, как пишет он сам: «я вольно или невольно противопоставил методы обучения многих преподавателей Московского института имени В.И. Сурикова понятиям школы высокого реализма», в преподавании которых в то время вытеснялся и опошлялся реализм, объявленный «нафталинным». Студенты других мастерских института даже устроили каверзную обструкцию: перед приходом Ильи Сергеевича в учебный класс они рассыпали там нафталин, давая понять ему и нам, его ученикам, что то, чему он нас учит - вчерашний день, и это для них глубоко чуждо.

Наша мастерская отличалась от всех других в институте. В то время, когда все преподаватели боролись за практику в Керчи, где можно было позагорать и искупаться, Илья Сергеевич вёз нас в Ленинград. Первым делом, сразу с поезда мы шли в Эрмитаж, где проводилась обязательная экскурсия и мы выбирали работы для копирования, затем все шли в Академию художеств, знакомились с собранием научно-исследовательского музея, затем Илья Сергеевич, рассказывая нам о своих годах учебы в этих стенах, вёл нас в библиотеку Академии. Обязательным было посещение факультета реставрации, где помощник заведующего кафедры реставрации Я.О. Шкандрий показывал нам свои копии и копии студентов Академии, объясняя тонкости копирования того или иного мастера. По традиции за свой счёт Илья Сергеевич заказывал нам экскурсии в

Великий Новгород, Изборск, Псково-Печёрскую Лавру. Надо сказать, что за посещение Лавры нашего учителя вызывали в партком института и ставили ему за «этот проступок на вид». В «России распятой» Илья Сергеевич пишет: «Помню, какое изумление, переходящее в негодование, вызвало у ректора и партбюро института моё намерение везти моих студентов в город Пушкин, в лицей, где они, как я сумел договориться, будут жить, собирая материалы для композиции «Пушкин в Царском Селе». Ученик Грабаря, наш декан Даниличев, относился ко мне хорошо, но и он не удержался от едва скрытого упрёка: «Ну, Илья, ты даешь! Хочешь второй лицей открыть? Да еще ввести практику копирования шедевров Эрмитажа. У нас такого никогда не было». И многого того, что было в нашей мастерской, действительно, в Суриковском институте не было. Нам было так интересно учиться и общаться друг с другом, что, возможно поэтому, мастерская портрета жила своей жизнью, обособленной от студенческой жизни всего института.

Первое условие для преподавания есть создание крепкого сильного коллектива. Илья Сергеевич не стремился создать большую мастерскую, на моём курсе кроме меня было трое студентов, то есть наше обучение носило индивидуальный характер и это ставило каждого из нас в достаточно жёсткие рамки, необходимо было отвечать всем требованиям нашего учителя. Проходил жесткий отбор - люди не умеющие трудиться или недостаточно подготовленные уходили, не выдерживая напряжённого ритма работы.

Каждому коллективу необходим лидер и среди студентов нашей мастерской их было трое. Каждый из них обладал своим индивидуальным набором черт лидера. Во многом мы ориентировались на них, поэтому в отсутствии Ильи Сергеевича они вели мастерскую и их роль была велика: один заражал нас своей необыкновенной одарённостью, второй фанатичным отношением к своему делу, третий был уже в студенческие годы сложившимся художником со своими темами и идеями. Илья Сергеевич выделял их среди нас, сравнивал с великими художниками, да и к нам он обращался, называя нас только – «гении».

Разве можно забыть те постановки, которые ставил Илья Сергеевич? Он приглашал актрис, балерин, чтобы мы могли написать портреты красивых одухотворенных людей, для натюрмортов давал нам красивейшие итальянские драпировки и предметы антиквариата, приносил картины из своей коллекции для копирования. Каждое лето по 4 месяца мы жили

в Ленинграде, много копировали в Эрмитаже, Русском музее. На I курсе после двухмесячной копийной практики в Эрмитаже в августе я с нашей мастерской портрета по идее И.С. Глазунова ездила на БАМ. Итогом этой поездки стала наша коллективная выставка в ЦДРИ, с этой выставки 1983 года и началась моя творческая биография. Этой поездкой по комсомольской путевке на БАМ Илья Сергеевич пытался заставить нас, ещё студентов-первокурсников, остро, почти физически ощущать и реагировать на быстротекущую современность, которую так ощущал он, создавая портреты, посвящённые строителям БАМа, Нурекской ГЭС, воинам Вьетнама, Никарагуа, Чили. Я вспоминаю годы своей учёбы, как самые счастливые и наполненные событиями и могу сказать, что учитель старался окружить нас красотой, привить нам вкус, воспитать в нас гражданскую и творческую позицию. Он направил нас и во многом определил нашу жизнь, потому что, глядя на него, мы понимали, каким образованным должен быть художник, как постоянно нужно совершенствоваться, работать над собой. Наша мастерская прекратила своё существование в 1994 году, в год первого выпуска Всероссийская академия живописи, ваяния и зодчества (так вначале называлась Академия).

Слово «преподавать», я думаю, созвучно слову «давать». Брать все могут, а вот давать - это дело трудное, часто неблагодарное, даже очень неблагодарное. Вся деятельность Ильи Сергеевича Глазунова для многих его учеников стала примером того, каким должен быть представитель искусства и ориентиром того, к чему надо стремиться.

Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова уже исполнилось тридцать лет. Этот срок небольшой, но он совпал с коренными преобразованиями, происходившими в нашей стране. Произошёл крах мировой социалистической системы, рухнул идеологический стержень советской культуры – социалистический реализм. В изобразительном искусстве набрали силу те течения, которые долгое время находились под запретом советской идеологии, как следствие, – «реализм» начал восприниматься только как «социалистический реализм».

Перестройка – это пересмотр и, создавая Академию, И.С. Глазунов стремился к совершенно иному типу учебного заведения, начиная с реконструкции самого здания на Мясницкой 21, интерьеры которого художник воссоздавал сам, заканчивая коллективом Академии, состоящим из выпускников мастерской портрета и первого выпуска РАЖВиЗ.

Как писал сам Илья Сергеевич: «Толчком к созданию нового учебного заведения России послужило не только моё, но и моих друзей убеждение, что «школа для художника – это крылья», не овладев знаниями которой художник навсегда остаётся дилетантом. Ведь раньше, в советские времена, и мои товарищи, и единомышленники возмущались тем, что для всех братских республик, кроме РСФСР, давали определённое количество мест, заполняемые подчас далеко не талантливыми будущими студентами, имевшими только одну привилегию, что они из Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Прибалтики и так далее и тому подобное. А жители советской Российской Федерации поступали конкурсно, и потому многие талантливые молодые люди не получали право учиться в наших художественных вузах». Получилось, что в этот сложный и для страны и для искусства время И.С. Глазунов провозгласил: «Сегодня в мире существует только одно учебное заведение, которое, по мнению многих деятелей культуры, как у нас, так и за рубежом, сохраняет традиции европейской и русской школы высокого реализма. Ибо без школы нет художника. Школа – это крылья художника».

К концу XX века большинство Академий пало под натиском современного авангардного искусства, ушло само понятие «Школа», которая определяет высокое мастерство, профессионализм художника. Ушли критерии настоящего искусства, и вместе со всем этим практически исчезли понятия национальное искусство и национальная школа, потому что преподавание и развитие национального изобразительного искусства возможно только при наличии высокого мастерства, реализма и духовности, без которых не может быть подлинного великого искусства. Это возможно только при правильной и мощной школе, которая вооружает молодого художника мастерством и гражданской позицией.

Создание нового учебного заведения, воссоздание из руин даже самого здания - труднейшее дело, сложно просто создать школу, но ведь кроме школы нужно создать условия. Илье Сергеевичу Глазунову удалось то, что не смог сделать ни один президент нашей Академии художеств: создать Храм Искусства – Академию, опровергнув поговорку «Один – в поле не воин».

Академия оправдывает полностью свое название – Российская, потому что основной состав студентов около 95%, - это талантливая молодежь, приехавшая со всех концов нашей необъятной родины, люди разных на-

циональностей. За это время только на факультете живописи защитились около 300 выпускников. Они работают, преподают в высших и средних художественных заведениях, участвуют в выставках и конкурсах.

Я работала в Академии с 1992 года, до этого четыре года я работала в МВХПУ им. С.Г. Строганова. Более десяти лет была руководителем мастерской портрета в Академии, одиннадцать лет деканом факультета живописи, около пяти лет проректором по научной работе. Основной своей задачей я всегда считала всеми силами стараться развивать и раскрывать личность каждого своего ученика, помочь ему овладеть школой, найти свою тему, которую он будет развивать, может быть, всю свою жизнь, но самое главное - дать ему возможность раскрыть лучшие, а не худшие стороны своей души. Мало подготовить студента к защите вначале малого, а затем и большого диплома, очень важно подготовить его к выходу в большую жизнь, почувствовать, что будет лучше для него, посоветовать направление. Я уверена в том, что никогда нельзя забывать свою малую Родину, место, где ты родился. Только родная земля и родной народ даёт художнику силы, темы для написания мощных произведений, поэтому многие из моих выпускников не остались в Москве, а вернулись домой в Красноярск, на Алтай, в Татарстан, где пишут, преподают, выставляются.

Наше время – время обезличивания, искусство из национального превратилось в интернациональное. Очень часто сложно определить какой художник написал то или иное произведение, кто он, откуда родом. Поэтому очень важно, что вопрос о преподавании национальной культуры и искусства в учебных заведениях постоянно поднимается, значит, при общем желании он может решиться, а, решившись, воплотиться в процессе обучения в начальных, средних и высших художественных учебных заведениях.

«Каждое искусство, утверждаю я, национально. В мире нет интернационального искусства. Будьте, молодые художники, достойны себя и боритесь за великую миссию быть художником, выражающим национальное самосознание своего народа. Ступени школы высокого реализма – это ступени к вашей душе. Будьте достойны себя в страшной борьбе добра и зла нашего XXI века! Изберите свободу, а не рабство скоротечной моды...», - этим напутствием молодым художникам, моего учителя И.С. Глазунова мне хотелось бы закончить свою статью.

Leyla Xasyanova (Rusiya)**Yenidənqurma dövründə bədii təhsil. Rusiya Rəngkarlıq, heykəltəraşlıq və memarlıq akademiyasının yaradılması**

2016-ci ildə İyla Qlazunov adına Rəngkarlıq, heykəltəraşlıq və memarlıq akademiyasının yaradılmasının 30 ili tamam olur. Bu, böyük müddət deyil, lakin o, Rusiyada baş verən köklü dəyişikliklərlə eyni vaxta təsadüf edir. Bu müddətdə Sovet mədəniyyətinin ideoloji əsası olan sosializm realizmi süquta uğradı. Təsviri sənətdə uzun müddət sovet ideologiyasının qadağası altında qalan cərəyanlar qüvvə toplamağa başladılar.

XX əsrin sonlarına doğru bir çox akademiyalar müasir avanqard sənətin təzyiqi altında süqut etdilər, rəssamın sənətkarlığını və peşəkarlığını müəyyən edən “məktəb” anlayışının özü itib getdi. Bütün bunlarla yanaşı milli incəsənət və milli məktəb anlayışları praktik olaraq yoxa çıxdılar, çünki milli təsviri sənətin tədrisi və inkişafı yalnız yüksək peşəkarlıq, realizm və mənəviyyət olduğu halda mümkündür.

Bizim dövr simasızlaşma dövrüdür. Olduqca tez-tez bu və ya digər əsəri hansı rəssamın çəkdiyini, onun kimliyini, əslən haralı olduğunu müəyyən etmək çətinlik törədir. Ona görə də inkişaf məsələləri – bu, ilk növbədə milli mədəniyyət və incəsənətin tədrisi məsələləridir - daim qaldırılır. Deməli bu, həll edilə bilər, həll olunduqda isə başlanğıc, orta və ali bədii təhsil müəssisələrindəki təlim prosesində təcəssüm olunacaqdır.

Açar sözlər: təsviri sənət, Yenidənqurma, bədii təhsil, milli incəsənət və mədəniyyət.

Leyla Khasyanova (Russia)**Art education during Reconstruction.****Establishment of Russia Academy of Art, Sculpture and Architecture**

Academy of Art, Sculpture and Architecture named after Ilya Glazunov celebrates the thirtieth anniversary in 2016. It is not a long period, but it coincided with main changes happened in Russia. Ideological core of Soviet culture - socialist realism was collapsed. The trends, which were under prohibiting of Soviet ideology long, gained strength in fine art.

The most academies fell under pressure of modern vanguard art by the end of 20th century, the concept of «School», which defined skill and

professionalism of the artist, disappeared. The conception of national art and national school disappeared practically along with all of these, because teaching and development of national fine art are possible only with the availability of high skill, realism and spirituality.

Our time is the time of depersonalization. It is often difficult to define which artist painted this or that work, who is he, where is he from. So, the issue of development, first of all the issues of teaching the national culture and art, is constantly raised. So, it can be solved, and when it is solved, it will embody in the process of learning in primary, secondary and high art schools.

Keywords: fine art, Reconstruction, artistic education, national art and culture.